

Александр Сорокин

Родился в селе Кулунда Алтайского края. Окончил техникум и два института. Публиковался в газетах «Сельская новь», «Звезда Алтая», журнале «Бийчанка», альманахе «Пилигрим» (Германия).

ПАРОВОЗ

Яркое весеннее солнце поднялось выше самого высокого здания на станции — элеватора. Санька стоял один на куче желтого, яркого, как и солнце, песка, и ему было грустно. Вчера он приехал с мамой и маленьким братом в Кулунду, где родился десять лет тому назад и где жили бабушка с бабушкой. Приехал на каникулы, и ему не терпелось встретиться с поселковыми ребятами, поиграть на новых-старых местах, так непохожих на те, что были в городе.

В начале улицы, слева от бабушкиного дома, зияли черными провалами дверных проемов заброшенные овощехранилища. Ветхие, с обвалившимися кое-где земляными крышами, они манили к себе жуткой тишиной, таинственным сырым полумраком. Здесь играли в войну, в партизан.

Справа от песчаных насыпей — новостройка, кирпичная коробочка будущего здания товарной конторы. Тут проверялись у пацанов мужские качества: смелость, ловкость и отвага. Попробуй-ка без них лазать по зыбким трапам, качающимся строительным лесам и кирпичным кладкам стен. В любой момент из-за угла

мог показаться сторож с хворостиной или палкой в руках. Тут надо было ловко, но с достоинством покинуть запретную территорию, не унизить себя постыдным бегством, а показать презрение к опасности. Сторожа, они не шутят: если вытянуть вдоль спины крепким прутом — долго чесаться будет. Ну, а уж если не повезет и попадешься в руки... Валерке вон в прошлом году сторож до крови ухо надорвал. Плакать при этом не полагалось, а злыдень-сторож не выпускает жертву из рук, пока слез не увидит и плача не услышит.

Все это было возможным и имело смысл в компании, вместе со всеми. А сейчас получилось так, что Санька прибыл, а друзья разъехались на каникулы по своим бабушкам в деревни.

Прямо перед Санькой расстиралось небольшое ровное поле, на котором они гоняли в футбол, а за полем начинались рельсы, железнодорожные пути станции. Маневровый паровоз деловито снует по ним взад и вперед, по-хозяйски растаскивая послушные вагоны и платформы по разным путям — формирует составы. Ребята часами смотрели на эту картину, споря: чья бригада сейчас на паровозе и какой машинист в депо самый лучший. Здесь, в поселке железнодорожников, жизнь большинства людей связана со станцией, с депо, и даже время определяется не по часам, которых у пацанов, конечно же, нет, а по проходящим пассажирским поездам. Вот идет днепропетровский — значит, пора обедать и отправляться в школу второй смены. А вот прошел новокузнецкий — скоро на переходе через пути появятся родители с работы. И если у кого-то из ребят или девчонок осталась невыполненная по дому работа, их как ветром сдувало с улицы. Родители — не сторожа на стройке, но затрецину за безделье выдать могли без задержки.

Самое любимое место для игр, после футбола, здесь, за полем: станция расширяется, прокладываются новые насыпи. На ржавых, на скорую нитку уложенных рельсах стоят небольшие платформы. На них рабочие-путейцы возят рельсы, шпалы, костыли, пятки и другие детали для прокладки дороги. И нет большего удовольствия, как покататься на этих платформах! Ясное дело, только когда рабочие расходятся по домам. Разгоняешь ее — платформу — всем кагалом, вскакиваешь на ходу, и она мчит вперед.

Рельсы гудят, маленькие колеса гремят на стыках, как под настоящим паровозом. Красота! Правда, взрослые и отсюда гонят, если увидят. И поделом гонят, потому как иногда пацаны платформу разгоняют так, что рельсы кончаются, остановить ее никак и ничем нельзя, и платформа слетает с рельсов, утыкаясь глубоко в песчаную насыпь. Успевай только соскочить, чтобы не придавило. Тормозов-то нет!

Утром бригада путеукладчиков, облепив маленькую, но тяжеленную телегу со всех сторон, громко ругаясь нехорошими словами, с трудом водворяет ее на рельсы. Если Санька видит это, ему становится очень стыдно. Да если и не видит, тоже стыдно.

Он стоит на куче песка и вспоминает, как хорошо было с друзьями. Одному — не то. Не манят ни стройка, ни овощехранилище, а на новых путях одному вообще делать нечего, даже платформу с места не сдвинешь.

Пойти домой, покопаться в этажерке? Там старые книги и два альбома с фотографиями. Фотографии тоже старые. Мама на них совсем молодая, еще девочка. С длинными толстыми косами. Даже не верится: девочка — и моя мама. Дедушка на снимках выглядит очень строгим, того и гляди скажет: «Вот я тебе, баловник!» Бабушка стоит рядом с ним, тоже молодая, как мама сейчас. Глаза у нее большие, красивые и чуточку печальные. Кажется, она никогда не сможет тебя наругать. На самом деле, сейчас строгая именно бабушка, а не дед. То и дело выговаривает Саньке: не пугай гусей во дворе, не ходи в пригон, не трогай дедушкин инструмент! Здесь пригоном почему-то называют сарай, что прямо к кухне пристроен. В нем теперь дедушкина мастерская с инструментом, где он делает из дерева всякую мебель. Пригон Саньке совсем не нужен. Инструмент тоже не нужен. Его, этот инструмент, только в руки возьмешь, а дедушка уже знает, что брал. Кто ему об этом говорит? Уж не сами ли инструменты?

Нет, не инструменты влекут мальчика в низенький, пахнущий саманом пригон. Там, на длинном гвозде, вбитом в потолочную прожилину, висит дедушкин железнодорожный фонарь. Когда-то дедушка работал с ним проводником на поезде, и то был не простой фонарь — необыкновенный фонарь! Аккуратный, квадратный, словно игрушечный железный домик

со стеклянными окошками на три стороны, с кругло изогнутой, как у чайника, ручкой, — он завораживал Саньку. Одна сторона фонаря — стеклянная, прозрачная, и внутри видна маленькая керосиновая лампочка. Другая сторона, противоположная, закрыта трехстворчатой дверцей. Если поднять колечко запора дверки, то откроется полоска красного стекла. Дверцу можно открыть на одну треть, на две, и совсем. Тогда весь прямоугольник красного стекла обнаружится. Ох, какую силу имеет это красное стекло! Дедушка говорил, что фонарем с красным стеклом можно остановить любой поезд. Нужно встать на рельсы, кругообразно помахать фонарем перед составом, и тот обязательно остановится. Пусть это будут хоть два паровоза, что тянут за собой длиннющий и тяжеленный грузовой состав, хоть самый скорый пассажирский, у которого высокая труба и здоровенные, в три Санькиных роста, красные колеса — все равно остановятся! Вот какой фонарь висит на гвозде под потолком пригона.

Когда деда в доме не было, а мама с бабушкой занимались шитьем или вязаньем в дальней комнате, Санька прокрадывался в пригон и потихоньку снимал с гвоздя фонарь. Он ходил по сарайке осторожно, чуть отставив руку с фонарем в сторону, чтобы не расплескать керосин. Фонарь оттягивал руку, и эта тяжесть наполняла Саньку чем-то значительным, важным и тоже весомым. Но иногда это занятие оканчивалось тем, что мама, обнаружив непривычную тишину в доме, появлялась в пригоне. Она отбирала фонарь, вешала его на место и тихо выговаривала, что, мол, стекло разобьешь, керосином обольешься и дедушка будет сильно ругаться. Как будто Санька совсем несмышленыш — керосин разливать!

Мама еще ничего, но вот если в пригон ворвется ее младшая сестра...

Это уже конец всему. Тетушка не станет объяснять, что такое хорошо, а что такое плохо. Закричит, рванет фонарь так, что не только стекло может лопнуть, но и рука, того и гляди, отлетит в сторону. Ну и, конечно, бабушке наябедничает. Тетя, называется... А еще в девятом классе учится!

Дома Саньке делать нечего, это ясно. Скоро обед. Бабушка с утра ушла на базар, вот-вот вернется, они с мамой начнут

спешить с готовкой, и тогда уж точно заставят сидеть с Игорем. Младший брат достался Саньке, в общем-то, неплохой: зря не орет, не капризничает, но нянчиться с ним в такие короткие каникулы — извините. Нет, дома лучше не появляться. Но куда пойти?

Санька в раздумье ширкает по носу рукавичкой. Влажный след остается между огрызком варежки и рукавом старенького пальтеца. Интересно эти рукава устроены: когда играешь, они на пальцы съезжают и мешают, а как нос вытереть — их и нету. Вообще, очень неудобная вещь пальто, особенно, когда бегать надо. Эх, фуфайку бы! Как у Славки. Благодать — в ногах не путается, бегать не мешает, куда хочешь забраться можно, полами не зацепишь. Мама еще зимой обещала, да не успела. У бабушки, сказала, дошью. Санька сомневается. У них в городе швейная машинка новенькая, вся блестит желтым лаком, а у бабушки старая-престарая, краска с нее слезла, буквы названия стерлись. Да и толку с этих букв? Все равно не прочтешь, потому что немецкие, как и сама машинка. Что на такой шить можно?

Санька бредет по улице. Он пока не придумал, как пройти незамеченным мимо дома, а и думать уже поздно: на крылечке стоит мама и зовет его. Еле передвигая ноги, мальчик зашел в дом и снял пальто, как просила мама. Он уж было и разуться хотел по собственной инициативе, как замер от неожиданности.

В маминых руках, прямо перед его носом, висела новенькая фуфайка!

— На-ка, примерь!

Не веря собственному счастью, он осторожно просунул руки в рукава. Санька ждал обнову каждый божий день, но получил ее как-то совсем неожиданно. Легкая, удобная, светло-серого цвета и с карманами наискосок! Это же совсем по-модному, она казалась мальчику верхом совершенства. И не только идеальной одежкой для улицы, но и отличительным признаком взрослого пацана.

— А можно в ней по улице походить? Совсем немножко!

— Можно. Только не долго. Скоро дедушка придет, обедать будем.

Санька вылетел во двор. Эх, жаль. Ни Кольки, ни Валерки, ни Славки нет. Такая на нем вещь — и некому показать. Ноги сами несли его вдоль улицы.

Во дворе у Поволоцких сопливый дошколенок Сашко гонял куриц. Разве он что-либо смыслит в фуфайках? На крыльцо выскочила Томка с веником в руке. Зыркнула в Санькину сторону огромными, по колесу, серыми глазищами и побежала догонять братца, норовя стегануть неслуха веником по спине. Нет, и Томка не оценит фуфайку. Куда девчонке до понимания мужских вещей! Эх, нету пацанов.

Санька очутился в самом конце улицы. Впереди — чистое поле, а слева пролегал последний тупиковый путь железнодорожной станции. И на нем он увидел второй сюрприз за сегодняшний день: в тупике стояли два огромных, сцепленных вместе паровоза. Вчера их не было.

Если бы в голове десятилетнего мальчика существовало понятие «страсть», то оно было бы выражено одним словом — «паровоз». Паровозы он любил самозабвенно. Дома Санька мастерил их из картона, фанеры, дерева. Альбомы по рисованию наполняли одни паровозы. Он рисовал целые станции, на путях которых стояли и дымили локомотивы всех известных ему конструкций. И знал он их немало, так как в библиотеке брал книги только об этой технике.

В гостях у бабушки с дедом мальчик долго не засыпал по вечерам. Улица, на которой стоял их дом, тянулась вдоль крайних станционных путей и называлась Первой Вокзальной. Хотя вокзал был по ту сторону рельсов и ходьбы до него чуть не полтора километра.

Лежа в постели, Санька до глубокой ночи вслушивался в призывные, короткие гудки маневого паровоза; длинные, требовательные — пролетающих без остановки и торможения товарных составов. Гремят буфера сцепляемых маневровиком вагонов. Пищат, скрежещут под тормозными башмаками колеса. Протяжно дудят рожки составителей поездов и стрелочников, подавая только им понятные сигналы. Все это каждый раз ново, непривычно, интересно для маленького горожанина. В городе он жил далеко от вокзала.

Итак, перед Санькой стояли два «холодных» паровоза. Ему приятно было произнести это специальное слово — «холодных» — даже про себя, потому что слово было взрослым, железнодорожным, понятным далеко не каждому. Знающему человеку оно говорило, что в топках машин не горел огонь, а в котлах не было пара, который давал локомотиву не только имя, но силу и мощь. Стекла кабин и двери паровозов обшиты досками, чтобы не залезли внутрь лихие люди.

Санька медленно обошел закопченные, остро пахнущие машинным маслом и угольной копотью стальные машины. Тут он заметил, что дверца и окна первого паровоза с одной стороны досками не забиты, а дверь приоткрыта. «Вот бы залезть, посмотреть!» — мелькнула шальная мысль. Он приблизился к будке машиниста и задрал голову. Отполированные руками машинистов поручни заманчиво блестели, как бы предлагая схватиться за них. Высоко, однако. Санька отступил назад и оглянулся. На путях никого.

Внутри будки послышался шорох, звякнула какая-то железка. Санька вскинул голову. Из окна будки на него смотрел молодой мужчина в черном пиджаке. «Наверное, откручивает что-нибудь», — испугался мальчик и приготовился бежать прочь.

— Ну что, стрелок, топчешься? — спокойно и дружелюбно сказал парень с верхотуры.

При слове «стрелок» у Саньки оборвалась душа и сквозь пятки ушла глубоко в землю. Он крутанул головой туда-сюда. Стрелками на станции называли охранников, что с самыми настоящими боевыми карабинами сторожили товарные составы от грабежей во время стоянки. Праздному люду запрещалось ходить между вагонами, — только своим, железнодорожникам. Стрелок мог любого гражданского арестовать и привести в штаб для разбирательства и штрафа. А попавшимся в их руки пацанам стрелки драли уши, выпроваживая только таким образом за последний путь, и грозили штрафом родителям.

Убедившись, что никакого стрелка рядом нет, а добродушный парень в кабине не похож на вора, Санька осмелел и подошел ближе.

— Я не топчусь, я на паровозы смотрю.

— Вон что. Ну и как, нравятся тебе наши коняшки?

— Ничего себе «коняшки», — улыбнулся Санька. — Это же самые сильные в мире паровозы.

— Да ну! Откуда знаешь?

— Из книжки. Я люблю книги про паровозы. В библиотеке все их прочитал.

— Молодец! Наверное, знаешь, как наш паровоз называется?

— Знаю. Это СО.

— Ты смотри! И как расшифровывается СО тоже знаешь?

— Так назвали в честь Серго Орджоникидзе.

— Ну, молоток! — восхитился парень. — Быть тебе машинистом. Забирайся в будку.

Мальчик снова оглянулся. Он не мог поверить, что его так вот запросто приглашают на паровоз! Может, не его вовсе? Вокруг по-прежнему никого не было. Парень открыл настежь узкую железную дверь.

— Залезай, чего стоишь. Или боишься?

— Чего это... боюсь. Ничего не боюсь, — голос мальчишки даже охрип от волнения.

Первая ступенька лестницы оказалась выше пояса. Он ухватился за поручни над головой, елозя животом по закопченной стенке, подтянулся и живо вскарабкался наверх.

— Орел! Прямо-таки взлетел, а не зашел.

Саньке нравился веселый и разговорчивый хозяин.

— А вы на этом паровозе машинистом работаете?

— Нет, я пока только помощник машиниста. А ты, как я понял, хочешь стать машинистом?

— Хочу. Только сначала нужно поработать кочегаром, затем помощником, а потом уже сдавать экзамен на машиниста.

— Правильно. Да ты, однако, все знаешь. Наверное, и устройство паровоза изучил?

Санька промолчал. Устройство паровоза он, конечно, знал. По книгам. Но то, что он увидел внутри будки, поразило его.

Вся передняя часть кабины до потолка была усеяна приборами. Отовсюду торчали рычаги, рукоятки, вентили, трубки и трубочки, большие и маленькие, длинные и короткие. А на самом потолке примостились циферблаты каких-то приборов.

Пол в будке был железный, в пупырышках, протертый до блеска там, где по нему часто двигались. Но в углах угрюмо чернела угольная пыль. Около второй двери, возле сиденья помощника машиниста, стояла маленькая, почти игрушечная, чугунная печка.

Молодой помощник машиниста сел на свое место и с интересом наблюдал, как мальчишка глазел по сторонам, раскрыв от удивления рот. Какой пацан не любит технику! Попасть же на настоящий паровоз — наверняка предел мечтаний каждого. Вон как глазенки-то горят. Почти не дышит от счастья.

— Ну, машинист, занимай место командира!

Санька вздохнул и уверенно сел на металлический стул возле правого окна. Это уж он точно знал, что место машиниста — справа.

В переднее смотровое окно виден крутой бок машины, перевитый трубками, а дальше — две блестящие на солнце нитки рельс.

Мальчик высунулся по пояс из окна, как это делают настоящие машинисты. Хорошо видно — и впереди, и сзади. Едешь себе — паровоз пыхтит, дым из трубы валит, колеса стучат, шатуны снуют туда-сюда, а ты выглядываешь из окна, ветер бьет в лицо, срывает шлейфы дыма из трубы, и щекочущий аромат его обдает будку.

И тут Санька вспомнил о том, чего он явно не знал. Вот машинист стоит, облокотившись на окошко, спиной ко всем приборам, а паровоз едет. Отвернулся машинист на секунду — и паровоз ускоряет ход, или наоборот, тормозит. Машинист потянулся левой рукой в кабину — и локомотив идет задним ходом. Шофер в автомобиле, тот за руль держится и поворачивает, жмет ногами на педали, рукой скорости переключает... А как машинист ускоряет, замедляет ход и назад трогает паровоз? Санька вздохнул. Да, книжек он много прочитал, но в них ничего не говорилось про то, как управлять ходом паровоза. Про устройства и приборы в кабине тоже ничего не написано. Наверное, это секретно.

— Так что же тебе знакомо внутри кабины? — помощник устроился поудобнее на стуле и продолжил разговор. Для него встреча с мальчишкой была в удовольствие: долго тянутся часы ожидания нужного состава, чтобы ехать дальше, на ремонтный завод.

Санька молчал, опустив голову. В кабине машинистов знакомого было мало. Почти ничего. Обнаружит помощник, что Санька ничего не знает, только хвастает, и выгонит с позором.

— Вот это знаю, — протянул он руку вверх, почти не поднимая головы.

— А что это?

— Гудок.

— Ну-у, брат, — удивленно протянул парень. — Если знаешь, чем на паровозе гудеть надо, так ты уже наполовину машинист.

— Еще вот что знаю, — приободрился мальчик. — Это кран экстренного торможения.

— О-го! Молодец, прямо молодец, — в голосе помощника звучало искреннее одобрение и похвала.

Санька повеселел. Он болтал ногами, стучая носком ботинка о железную стойку с зубчатым колесом наверху. Интересно, для чего оно? Но спрашивать неудобно: надо еще подтвердить свои слова о знании паровоза.

— А вот это — самый главный прибор, манометр! — воскликнул пацан, узнав еще один знакомый предмет. — Давление пара измерять, чтобы котел не взорвался.

Как, оказывается, интересно — узнавать в жизни то, о чем лишь читал в книгах! Сразу чувствуешь себя и взрослее, и увереннее.

Помощник машиниста не уставал нахваливать мальчишку. Потом показал маленькую книжечку.

— А такую тебе приходилось видеть? Когда выучишь все эти знаки, все правила движения, что здесь напечатаны, сдашь по ней экзамены, то считай себя готовым помощником машиниста.

Санька раскрыл книгу. Сколько разноцветных знаков, огней, сигналов — сотни! И все это надо знать наизусть. Мальчик листал и листал книжечку, изредка останавливаясь и читая. Много было непонятно, но столько же встречалось и понятного. Он готов был попросить хозяина книжки отдать ее, но ведь не даст! Мальчик видел, как помощник бережно вынул книгу, аккуратно обернутую в плотную бумагу. Нет, не отдаст, хоть и добрый дяденька. И Санька вновь принялся за книжку, стараясь ухватить, запомнить из нее как можно больше.

— Ну, а здесь находится топка, это ее дверца, — заявил мальчик уверенным голосом и почти небрежным тоном.

Знай наших! Это вам не печная дверца — топочная раздвигается в стороны. У половинок есть ручки. Хоть машинист, хоть помощник, каждый со своего места может дверцу открывать. Санька видел в одном фильме, как легко открывал такую дверцу помощник машиниста, а кочегар ловко забрасывал в топку полную лопату угля. Только успевал последний уголек соскочить с лопаты, как — бац! — половинки сходились, будто хотели откусить и совок лопаты вместе с углем. Раз! — открыто, бац! — захлопнулось. Красиво!

Красиво и ловко у Саньки не получилось. Помог мужчина. Створки разошлись с громким и недовольным скрежетом.

— Да-а! Если так туго двигаются, то надо быть силачом, чтобы на ходу их открывать, — сказал Санька.

— Мы ее редко открываем.

— Как же кочегар уголь бросает? Надо же часто подбрасывать.

— Уголь мы руками не бросаем. И кочегара у нас нет.

— Как это?

— У нашей машины уголь подается в топку механически, транспортером из тендера. Он вот здесь, под полом. Поэтому кочегар нам не положен.

Санька проникся еще большим уважением к паровозу, который считал почти своим.

Топочное отверстие, небольшое на картинках и в кино, в действительности оказалось огромным.

— Можно посмотреть?

— Можно, только фонарика нет.

Помощник похлопал по карманам пиджака, вынул коробок спичек, зажег сразу две и протянул руку с огоньком внутрь.

— Колосники чистые, — отметил Санька.

— А как же! Мы в ремонт едем, все почистили. С углем и золой на завод не пустят.

— Большая топка. Наверное, человек может внутри встать.

— Большая, конечно. Когда дымогарные трубы чистят, приходится в нее забираться.

— А мне можно туда залезть?

— Можно, попробуй.

Санька осторожно ступил правой ногой в пасть топки и, слегка пригнувшись, пролез внутрь.

— На-ка вот спички, посвети себе.

Санька зажег спичку. Темнота раздвинулась, и он выпрямился. Сердце отчаянно колотилось. Это надо же: он, Санька, внутри паровоза! Вот будет о чем рассказать в школе. Он был на взаправдашнем паровозе, да еще и в топку залезал. Кому выпадало такое счастье в жизни?!

Мальчик поднял голову. Высоко. Посмотрел под ноги. Литые чугунные колосники составляли пол топки. Когда локомотив работает, на них лежит слой раскаленного угля, который ревет, бушует пламенем. На секунду стало страшно, как будто сейчас рванет, завоет ужасной силы огонь. Страх быстро-быстро тоненькими иголочками проколол его от затылка до пяток. Чего бояться, маленький, что ли? Он обернулся и выглянул в дверцу. В квадрате света, как в раме, виднелся помощник машиниста. Он пыхтел потухшей папиросой.

— Возьмите спички, у вас папироса погасла.

— Ничего, свети, я подожду.

— Берите, берите, я и в темноте могу постоять.

Санька совсем расхрабрился, ему действительно захотелось остаться в полной темноте. Он торопливо сунул коробок наружу, а чтобы помощник не подумал, что он трусит, Санька выпрямился и отступил в глубину, а затем повернулся спиной к дверце. Подумаешь, в темной топке постоять без света. Ох, и здорово! Его распирало от радости, что взрослый человек, настоящий помощник машиниста, запросто пригласил его, обыкновенного пацана, в кабину паровоза, все показал, рассказал, не запрещает ничего. В жизни такое может случиться только раз, и то не у каждого мальчишки. Вот у Валерки отец — машинист, но Валерку ни разу на свой паровоз не взял.

Когда спички вновь оказались у Саньки, он обследовал все углы топки. Потрогал стенки, засунул руку в дымогарные трубы, попробовал отковырнуть хоть маленький кусочек нагара — в школе показать. Вскоре ему это удалось, и Санька положил в карман фуфайки хрупкую пластинку. Можно возвращаться.

— Здорово! — ответил он на вопрос, как там, в топке. — Можно еще тендер посмотреть?

Мальчик отворил дверь в задней стене будки. Вдвоем они вошли в тендер. Он был почти пуст, только в одном углу лежала маленькая кучка угля и два сломанных деревянных ящика.

— Это что, паровоз растапливать?

— Нет, для паровоза будет маловато. Это для печки, обед готовить да чай кипятить. Заметил печку возле моего стула?

Вот, оказывается, для чего на паровозе «игрушечная» печка.

— Вы прямо на ходу обед готовите?

— Готовим. Ёздки у нас длинные, долгие, кушать надо.

— А эта лесенка зачем?

— По этой лесенке мы поднимаемся, чтобы уровень воды в баках проверить.

Правильно! Паровоз везет с собой не только уголь, но и воду для пара. По лесенке они выбрались наверх. Санька ожидал увидеть здесь крышку люка, через которую наливается вода, но все оказалось сложнее. Бак был огромным, больше угольного тендера, и под крышей. В крышу вделаны круглые окошечки, как на кораблях, а стекла закрывались решетками из металлических прутьев.

— Почему бак с водой больше тендера? Разве воды нужно больше, чем угля?

— Видишь ли, это не простой бак, а целая установка. Ты знаешь, куда выходит пар в обычных паровозах, когда сделает свою работу, толкнет поршни?

— На улицу, то есть, в воздух пар выходит.

— В нашем же паровозе пар после работы возвращается вот в это отделение и отдыхает, охлаждается, потом вновь становится водой. Затем вода снова попадает в котел и нагревается до пара.

— Значит, вы водой один раз заправляетесь?

— Да, и лишь иногда доливаем. Ну-ка, скажи, есть в этом польза?

— Воды меньше расходуется.

— Правильно. Ну, а еще, поважнее? Что паровозная бригада на остановках делает?

— Водой и углем заправляется.

— А наш паровоз?

— Ему нужен только уголь. Значит, мы быстрее со станции уедем, стоять не нужно! — Санька и не заметил, как включил себя в состав паровозной бригады.

— Верно. Время экономится, это самое важное.

Санька прошел по баку ко второму локомотиву.

— Интересно, когда смотришь снизу, с земли, труба кажется очень короткой и маленькой, а вблизи она большая. Можно к трубе перелезть?

— Пойдем лучше к нашей, так проще.

Труба оказалась и впрямь большой. Она была похожа на гигантский котел, только без дна, ее стенки уходили вглубь и в сторону топки очень круто.

Было бы на чем стоять, в трубе могли бы поместиться три взрослых человека.

— Можно мне встать в трубу?

— Можно, да зачем? Она смотри какая ржавая.

— Я осторожно! — Санька переступил одной ногой край трубы, ухватился за него обеими руками и уперся второй ногой в противоположную стенку. Во как!

Он может рассказать в классе, что побывал не только в топке, но и в паровозной трубе! Представить себе невозможно, как ему сегодня повезло!

Потом он ходил по самому верху паровозной спины, вскарабкался на крышу будки, посмотрел с высоты на станцию и поселок. Далеко видно. Красота!

На обратном пути обследовал гудок, сунул в отверстие руку, поболтал внутри кулаком. Большой свисток! Загуди он сейчас, внезапно, Санька бы оглох. Он излазил паровоз вдоль и поперек, побывал под самым его брюхом и померился ростом с колесами. Наконец снова забрался в кабину и сел на место машиниста. Помощник уже растопил игрушечную печку и поставил на плиту маленькую кастрюльку.

У Саньки вдруг зажгло в желудке, он вспомнил, что не ел с самого утра. Солнце светило сквозь щели досок на окне, вот-вот оно спрячется за краем степи. Значит, он пробыл на паровозе почти весь день. Санька забыл про дом, про маму и брата, они потеряли его и наверняка уже ищут. Ему захотелось домой, сесть

за стол и рассказывать, рассказывать всем о том, что увидел и узнал. Мама и бабушка будут удивленно слушать, бабушка соберет Саньке ужин и станет приговаривать: «Ешь, ешь, потом рассказывать будешь».

— Я пойду, наверное, домой.

— Что ж, иди. Мать, поди, заждалась, — ответил помощник. — Приходи завтра, если хочешь.

— Правда можно?

— Конечно, приходи.

— Тогда приду, а то не все еще выучил.

— Что же не успел, вроде бы, везде облазил.

Санька вздохнул.

— Не знаю, как включать задний ход. И как паровоз скорость набирает, — признался мальчик.

Помощник машиниста от души расхохотался.

— Задний ход! Ох ты, елки-палки! Ты же на него навалился, на задний ход.

Санька отпрянул. Он сидел, привалившись спиной к стойке с железным колесом, той самой, которую пинал ботинком. У колеса вверху были прямоугольные зубья по всей окружности.

— Эта штука называется реверсом. Крутишь в эту сторону — паровоз идет вперед, в другую сторону — назад едешь. А это — стопор, чтобы удерживать реверс в нужном положении.

Санька повернул реверс. Он легко подался, легче автомобильного руля. Это и все? Так просто...

Домой Санька бежал, переполненный открытиями.

— Мама, знаешь, где я был? — выпалил, едва закрыв за собой дверь.

Мама и сама давно хотела бы знать, но при виде сына только руками всплеснула.

— Боже, горе ты мое! Ты где это в угле так изгваздался? И в ржавчине! На кого ты похож!

Санька только теперь вспомнил, что на нем новенькая фуфайка. Он посмотрел на нее и обомлел. На одежде не было ни единого светлого пятнышка. Сажа, копоть, угольная пыль вперемежку со ржавчиной из паровозной трубы и машинным маслом невесть откуда — сплошным слоем покрывали одежонку. Он стоял

и сопел, а в голове вертелось почему-то одно: какого цвета была обновка? Санька силился вспомнить именно это, но не смог, и от обиды на собственную память разревелся.

— Господи, наказание ты мое! Я старалась, шила, глаза портила, а он?!

Это было только вступление. Остальное может припомнить любой пацан из собственной жизни. Сначала, на первое, он отведаль тонкого дедова ремешка прямо через испачканную обнову. Потом Саньку раздели, отмыли, накормили супом пополам с собственными слезами и уложили спать. В этот вечер он заснул очень быстро.

Ему снился огромный закопченный паровоз, крохотная печурка и широкая ржавая труба. Во сне Санька улыбался.